

СОКРАТ

Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ

с комментариями и объяснениями
Александра Маркова

долг оратора —
говорить правду

спорить с Сократом —
дело нехитрое

всякий человек
тебе учитель

богатство не приносит
никакого достоинства

Философия на пальцах

Сократ

**Я ничего не знаю. С
комментариями и объяснениями**

«Издательство АСТ»

450–399 г. до н.э.

УДК 1(091)"652"
ББК 87.3 (0)

Сократ

Я ничего не знаю. С комментариями и объяснениями / Сократ —
«Издательство АСТ», 450–399 г. до н.э. — (Философия на
пальцах)

ISBN 978-5-17-112719-0

Древнегреческий философ Сократ, так же как и Конфуций, не оставил своих произведений. Но его ученики, Платон и Ксенофонт, в форме диалогов и небольших рассказов передали нам философские взгляды Сократа. Благодаря этому мы знаем, чему учил Сократ, каковы были его главные жизненные ценности, какие проблемы бытия его занимали. Впервые в одном сборнике собраны высказывания мудрого философа, у которого и сегодня читателю есть чему поучиться. Правда, порой в текстах Платона Сократ говорит одно, а в текстах Ксенофонта, по тому же самому вопросу, совершенно другое, будто сам себе противоречит. Это вызвано памятью и толкованием мыслей учителя его не менее известными учениками. Но тем интереснее следить за цепочкой соображений Сократа и делать собственные выводы. Сборник логично дополняют биографические заметки о философе Диогена Лаэртского, который кратко описывает жизнь Сократа и рассказывает о его трагической смерти.

УДК 1(091)"652"
ББК 87.3 (0)

ISBN 978-5-17-112719-0

© Сократ, 450–399 г. до н.э.

© Издательство АСТ, 450–399 г. до н.э.

Содержание

Мудрый гражданин Афин	7
Платон	9
После обвинительных речей	10
После обвинительного приговора	30
После смертного приговора	33
Ксенофонт	37
Глава 1	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сократ

Я ничего не знаю. С

комментариями и объяснениями

© А. Марков, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2019

© М.Л. Гаспаров (наследники), перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Мудрый гражданин Афин

Сократ родился около 470 г. до н. э. в Афинах, был коренным жителем Афин, из дема (района) Алопеки, то есть «Лисьей земли» (так же переводится крымская Алупка). Отец его был скульптором, исполнителем государственных заказов, но все наследство он оставил старшему сыну, так что Сократ с ранней юности вел скромный образ жизни. Сократ стоит первым в ряду интеллектуалов, не рассчитывавших на наследство, но зарабатывавших лишь своим умом: впоследствии такими же были в Европе внебрачные дети богачей, например Боккаччо или Эразм Роттердамский. Сократ считал, что его род восходит к самому Дедалу, мифологическому изобретателю: в Афинах многие называли себя потомками богов или полубогов.

Возможно, что на жизнь Сократ зарабатывал как скульптор на общественных подрядах, но чаще он получал подарки и угощения, пользуясь привилегией образованных людей, но никогда не брал деньги за свои занятия, в отличие от его современников – софистов, учивших красноречию и искусному рассуждению. Сократ считал, что важнее научить человека сомневаться, чем поспешно излагать готовое знание. Себя он сравнивал с повивальной бабкой, помогающей человеку породить из себя новое знание, а свой метод называл «наведением»: задавая наводящие вопросы, он учил собеседника понимать односторонность прежней точки зрения.

С точки зрения афинского законодательства Сократ по праву рождения был «фармаком», «проклятым», человеком, ограниченным в имущественных правах – в древнейших Афинах таких людей приносили в искупительную жертву, чтобы город не постигло бедствие. Но в Афинах V века до н. э. нравы стали гуманнее: Сократа уважали за его личное мужество и добросовестность в государственных делах. Он участвовал в Пелопонесских войнах и совершил несколько подвигов по-нашему, был «награжден медалями». Он входил в круг Перикла, будучи учеником советника Перикла, философа и музыканта Дамона. Именно от Дамона Сократ принял главную свою мысль, что можно учить не только отдельным искусствам, но и добродетели. Как судья Сократ спас полководцев, которых должны были казнить за то, что они не успели похоронить погибших, тем самым осквернив небо (трупы полагалось убирать до захода солнца, чтобы не прогневать ночных богов, как и Библия велит людям мириться до захода солнца), чем настроил против себя приверженцев старого благочестия.

Именно они были главными врагами Сократа, рукоплескавшими в 423 году комедии Аристофана «Облака», вместившей в себя предвзятое настроение толпы против образованных людей. В этой комедии Сократ был изображен бездельником, лежащим в гамаке, который учит искусно врать и обманывать. Это была совершенно несправедливая карикатура: Сократ всю жизнь спорил с софистами, учителями красноречия, которые за деньги учили манипулировать слушателями, а Аристофан отнес его к числу софистов.

Сократ был женат, по некоторым данным, даже не раз, имел трех сыновей, Лампрокла, Софрониска и Менексена, ничем особо не отличившихся. Сократа укоряли, что он воспитывает все Афины, не воспитывая собственных детей. Но на самом деле для Сократа было важно научить людей общаться на гражданские темы, связав политику и нравственность, поэтому он заводил разговоры на площадях и в собраниях, задавая свои провокационные и каверзные вопросы. Говоря по-нашему, он приходил на корпоративные мероприятия в органы власти и на фирмы и показывал, что одного знания отдельных искусств, одних практических навыков недостаточно для принятия стратегических решений.

Сократ умел читать и писать, даже немало читал, но предпочитал не писать, по сути будучи «коучем» или «тренером», причем совершенно бескорыстным и нравственно безупречным. Если совсем кратко излагать его философию, в основе ее лежат следующие положения:

– практическое знание еще не есть настоящее знание, потому что оно не может себя обосновать;

- ища подлинного знания и смысла жизни, человек начинает слышать внутренний голос
- в нем проявляется сознание и совесть;
- в сравнении с голосом сознания любое знание оказывается ложным знанием, знанием только об отдельных явлениях;
- наука может развиваться, когда она добродетельна и укоренена в истинном знании, знании о том, что хорошо, а что плохо;
- добродетели можно научить, объяснив, сколь она лучше и полезнее порока;
- обучение добродетели позволяет сделать лучше и частную жизнь, и жизнь общества;
- дружба и любовь убедительнее как частных аргументов, так и слишком театрального красноречия софистов.

Мысли Сократа мы знаем, прежде всего, благодаря двум его великим ученикам: историку Ксенофону и философу Платону, блестящим стилистам, усвоившим все тонкости рассуждений своего учителя.

Тем временем Афины пережили спартанскую оккупацию и диктатуру Тридцати тиранов. Хотя Сократ всегда держался достойно и выступал патриотом своего города, его упрекали в том, что в числе Тридцати тиранов был его ученик Критий, а другой его ученик, Алкивиад, совершил неудачные военные походы. В 399 году ему было официально предъявлено обвинение в непочтении к городским богам, введении новых богов и развращении юношества, иначе говоря, в воспитании предателей. Понятно, сколь злостно несправедливы все три обвинения: Сократ всегда велел учиться у богов добродетели, угождать богам самыми добрыми делами, а если и говорил о своем внутреннем «божестве» (демоне), голосе сознания и совести, то ведь не было запрещено чтить домашних богов. Тем не менее афиняне, напуганные военными поражениями и гражданскими неурядицами последних лет, выступили большинством голосов за казнь Сократа. Сократ должен был, как свободный гражданин, сам выпить яд, сок цикуты, всем нам известного растения-«зонтика», и во время казни показал, каким самообладанием отличается мудрец.

В данном издании «Апология Сократа» приводится в переводе М.С. Соловьева, а другие сочинения Платона – В.Н. Карпова. Сочинения Ксенофонта даны в переводе С.И. Соболевского, а посвященная Сократу глава из труда Диогена Лаэртского «О жизни, учении и изречениях знаменитых философов» («Жизнь Сократа») – М.Л. Гаспарова.

Все тексты Платона, Ксенофонта и Диогена Лаэртского сверены с греческим подлинником, и на основе этой сверки написаны примечания. При этом в переводе заменены все устаревшие слова и выражения, вроде «поелику», устаревшее написание имен, как Хризипп, в некоторых случаях исправлены ошибки и неточности переводов, в ряде случаев в примечаниях оговаривается, когда перевод не до конца передает мысль оригинала.

Составитель благодарит Галину Анатольевну Орлову за вдохновенные собеседования.

Александр Марков

Платон

Апология Сократа

Перевод М.С. Соловьева.

Апология – защитительная речь в античном суде, преследовавшая сразу две цели: доказать собственную правоту, на фоне которой будет ярко выступать неправота обвинителей, и показать, что в случае победы обвинителей последствия будут самыми нежелательными. Поэтому апология всегда сплетает две темы: тему высшей правды, которую отстаивал защищающий себя, включающей всевозможные благословения богов, и тему вреда от противников разумного социального порядка, их корысти и неспособности ответить на простые вопросы. Поэтому в апологии слова таких злостных противников не всегда цитируются точно, хотя суть обвинения передается верно, тогда как о богах, благословениях и священном праве говорится подробно. В этом смысле написанная Платоном «Апология Сократа» – идеальный образец апологии: раз Сократа обвинили в презрении к общепризнанным богам и после казни Сократа положение Афин на международной арене сильно ухудшилось, то перед нами не просто апология, а сама история. Сократ грозил Афинам, что после его казни политика в городе придет в совершенное расстройство и некому будет учить добродетели, – так и произошло, и апология оказалась историческим сочинением.

Не вполне ясно, что такое эта Апология, записанная Платоном, хотя и с дополнениями и систематизацией, – подлинная речь Сократа, пусть даже вольно воспроизведенная по памяти на письме, или написанная Платоном и другими учениками Сократа защитительная речь для учителя, которую он должен был выучить и произнести. Скорее всего, первое: дело даже не в том, что Сократ был достаточно красноречив, чтобы обходиться без помощников, составляющих речи, а в том, что он прямо говорил, будто он собеседник божества – и тогда подменить непосредственное откровение литературными опытами будет нечестиво. Ксенофонт тоже записал Апологию, и там речь Сократа живет, но обрывочнее. Поэтому мы можем в Апологии Платона услышать подлинную речь Сократа, хотя бы и записанную по памяти и, возможно, весьма приглаженную и упорядоченную Платоном исходя из его представлений о хорошем вкусе, в то время как Ксенофонт законспектировал главное, что произвело на него впечатление, и придал этому блестящую художественную форму. Мы из нее узнаем, как именно Сократ выступал перед широкой публикой, а не в диалоге с отдельными собеседниками. Сам Сократ упоминает и другие свои выступления во время политической и судебной деятельности, так что он обращался к Совету Пятисот, к публике, знавшей о силе его аргументации, хотя и часто опасавшейся его ума, – что и предопределило печальный исход событий.

После обвинительных речей

Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи афиняне, я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили. Тем не менее, говоря без обиняков, верного они ничего не сказали. Но сколько они ни лгали, всего больше удивился я одному – тому, что они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим ораторским искусством; не смутиться перед тем, что они тотчас же будут опровергнуты мною на деле, как только окажется, что я вовсе не силен в красноречии, это с их стороны показалось мне всего бесстыднее, конечно, если только они не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду; а если это они разумеют, то я готов согласиться, что я – оратор, только не на их образец. Они, повторяю, не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите ее всю. Только уж, клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите речи разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов. Ибо я верю, что то, что я буду говорить, – правда, и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, наподобие юноши с придуманною речью.

Украшенная речь – так называлась риторически организованная, «эффектная речь» в противоположность простой или бытовой. Под украшениями понимались не столько красивые слова или богатые метафоры, сколько особый ритм речи, ее созвучия, звонкость, декоративность, которая очаровывает слушателя, не позволяя ему достаточно критично отнестись к содержанию.

Так вот я и прошу вас убедительно и умоляю, о мужи афиняне: услышавши, что я защищаюсь теми же словами, какими привык говорить и на площади у меняльных лавок, где многие из вас слышали меня, и в других местах, не удивляйтесь и не поднимайте из-за этого шума.

Меняльные лавки – пункты обмена валюты, где собиралось множество людей деловых и даже азартных, но часто плохо владевших греческим языком: иностранцы или деревенский люд. Сократ подчеркивает, что его речь была так проста, что ее мог понять даже тот, для кого греческий язык не родной. Далее Сократ иронизирует, что язык юриспруденции ему как иностранный язык и что обвинителям хорошо бы поучиться у него правдивости, которая выше разделений между языками.

Дело-то вот в чем: в первый раз пришел я теперь в суд, будучи семидесяти лет от роду; так ведь здешний-то язык просто оказывается для меня чужим, и как вы извинили бы меня, если бы я, будучи в самом деле чужеземцем, говорил на том языке и тем складом речи, к которым привык с детства, так и теперь я прошу у вас не более, чем справедливости, как мне кажется, – позволить мне говорить по моему обычаю, хорош он или нехорош – все равно, и смотреть только на то, буду ли я говорить правду или нет; в этом ведь и заключается долг судьи, долг же оратора – говорить правду.

И вот правильно будет, о мужи афиняне, если сначала я буду защищаться против обвинений, которым подвергался раньше, и против первых моих обвинителей, а уж потом против теперешних обвинений и против теперешних обвинителей. Ведь у меня много было обвинителей перед вами и раньше, много уже лет, и все-таки ничего истинного они не сказали; их-то опасюсь я больше, чем Анита с товарищами. И эти тоже страшны, но те еще страшнее, о мужи! Большинство из вас они восстанавливали против меня, когда вы были детьми, и внушали вам против меня обвинение, в котором не было ни слова правды, говоря, что существует некий

Сократ, мудрый муж, который испытует и исследует все, что над землею, и все, что под землею, и выдает ложь за правду.

Выдает ложь за правду – Сократ имеет в виду карикатуру на него в комедии Аристофана «Облака», где Сократ, чтобы обучить адепта, вызывает на сцену Правду и Кривду, и Кривда доказывает, что якобы скромное и честное поведение не приводило к успеху.

Вот эти-то люди, о мужи афиняне, пустившие эту молву, и суть страшные мои обвинители, потому что слушающие их думают, что тот, кто исследует подобные вещи, тот и богов не признает. Кроме того, обвинителей этих много и обвиняют они уже давно, да и говорили они с вами в том возрасте, когда вы больше всего верили на слово, будучи детьми, некоторые же юношами, словом – обвиняли заочно, в отсутствие обвиняемого. Но всего нелепее то, что и по имени-то их никак не узнаешь и не назовешь, разве вот только сочинителей комедий. Ну а все те, которые восстанавливали вас против меня по зависти и злобе или потому, что сами были восстановлены другими, те всего неудобнее, потому что никого из них нельзя ни привести сюда, ни опровергнуть, а просто приходится как бы сражаться с теньями, защищаться и опровергать, когда никто не возражает.

Сражаться с теньями – вероятно, образ тренировки, битвы с воображаемым противником, Сократ здесь имеет в виду, что некоторых из его прежних обвинителей уже нет в живых, и поэтому сейчас обвинители, солидаризуясь с былыми критиками, нарушают право Сократа на гласную защиту, ссылаясь на те карикатуры, которые распространялись без его извещения и которые он поэтому не мог опровергнуть.

Так уж и вы тоже согласитесь, что у меня, как я сказал, два рода обвинителей: одни – обвинившие меня теперь, а другие – давнишние, о которых я сейчас говорил, и признайте, что сначала я должен защищаться против давнишних, потому что и они обвиняли меня перед вами раньше и гораздо больше, чем теперешние. Хорошо.

Итак, о мужи афиняне, следует защищаться и постараться в малое время опровергнуть клевету, которая уже много времени держится между вами.

Малое время – время судебной речи строго отмерялось, потому что суд был тоже одним из ритуалов. Сократ иронизирует, что обвинители клеветали на него издавна, тем самым злоупотребляя чужим временем.

Желал бы я, разумеется, чтобы так оно и случилось и чтобы защита моя была успешной, конечно, если это к лучшему и для вас, и для меня. Только я думаю, что это трудно, и для меня вовсе не тайна, какое это предприятие. Ну да уж относительно этого пусть будет как угодно Богу, а закон следует исполнять и защищаться.

Припомним же сначала, в чем состоит обвинение, от которого пошла обо мне дурная молва, полагаясь на которую Мелет и подал на меня жалобу. Хорошо. В каких именно выражениях клеветали на меня клеветники? Следует привести их показание, как показание настоящих обвинителей: Сократ преступает закон, тщетно испытывая то, что под землею, и то, что в небесах, выдавая ложь за правду и других научая тому же. Вот в каком роде это обвинение. Вы и сами видели в комедии Аристофана, как какой-то Сократ болтается там в корзинке, говоря, что он гуляет по воздуху, и несет еще много разного вздору, в котором я ничего не смыслю. Говорю я это не в укор подобной науке и тому, кто достиг мудрости в подобных вещах (недоставало, чтобы Мелет обвинил меня еще и в этом!), а только ведь это, о мужи афиняне, нисколько меня не касается. А в свидетели этого призываю большинство из вас самих и требую, чтобы это дело обсудили между собою все те, кто когда-либо меня слышал; ведь из вас много таких. Спросите же друг у друга, слышал ли кто из вас когда-либо, чтобы я хоть сколько-нибудь рассуждал о

подобных вещах, и тогда вы узнаете, что настолько же справедливо и все остальное, что обо мне говорят.

В комедии Аристофана – в комедии «Облака» Сократ висит в воздухе, чтобы напиться эфирными мыслями. Сократ рассуждает:

Бессильна мысль

Проникнуть в тайны мира запредельного,
В пространствах не повиснув и не будучи
Соединенной с однородным воздухом.
Нет, находясь внизу и взоры ввысь вперив,
Я ничего б не понял. Сила земная
Притягивает влагу размышления.
Не то же ли случается с капустою?

(Пер. А. Пиотровского)

На самом деле Сократ не занимался натурфилософией, хотя бы потому, что обычно для этого нужно было иметь царское или жреческое достоинство или хотя бы высокое положение. Сократ был влиятельным лицом в городе, но как ремесленник он не обладал соответствующей «профессией» созерцателя и толкователя мироздания.

А если еще кроме всего подобного вы слышали от кого-нибудь, что я берусь воспитывать людей и зарабатываю этим деньги, то и это неправда; хотя мне кажется, что и это дело хорошее, если кто способен воспитывать людей, как, например, леонтинец Горгий, кеосец Продик, элидец Гиппий.

Горгий Леонтийский (ок. 480–380 до н. э.) – учитель красноречия, основатель софистики, создатель «горгиевых фигур» – ритмических закономерностей и внутренних рифм в прозе, заставлявших слушателя поверить даже невероятному. Горгий был автором нескольких скандальных речей, по сути пропагандировавших преимущества риторики перед философией: «Похвала Елене», в которой безрассудный поступок Елены оправдывался неотразимым воздействием красноречия Париса, и «О небытии», где Горгий противопоставил поискам философами сущности мира, «бытия», обобщение случайных наблюдений над вещами, не позволяющих надежно утверждать устойчивое существование вещей. Славился и как мастер на все руки, что было важно для утверждения культурной репутации софиста.

Продик Кеосский (ок. 465–395 до н. э.) – софист, первым введший синонимию в красноречие, требование разнообразить речь синонимами, которое до сих пор лежит в основе школьной стилистики. Продик также сводил религию к полезности, считая, что религия возникла из обожествления «полезных» вещей, таких как солнце, луна или вода.

Гиппий Элидский (ок. 460 – ок. 400 до н. э.) – учитель красноречия, эрудит, которому приписывались некоторые математические открытия, основатель хронологии как раздела исторической науки. В своих трудах он отстаивал противопоставление «природы» и «закона», важное для всего дальнейшего развития философии.

Все они, о мужи, разъезжают по городам и убеждают юношей, которые могут даром пользоваться наставлениями любого из своих сограждан, оставлять своих и поступать к ним в ученики, платя им деньги, да еще с благодарностью. А вот и еще, как я узнал, проживает здесь один ученый муж с Пароса.

Эвен Паросский (ок. 440–380 до н. э.) – учитель красноречия, поэт. Утверждал, что красноречие – «мусическое» искусство, близкое музыке в нашем понимании. Изобретатель косвенного порицания («может быть, ты неправ») и косвенной похвалы («может быть, ты даже справился с этим лучше всех»).

Встретился мне на дороге человек, который переплатил софистам денег больше, чем все остальные вместе, – Каллий, сын Гиппоника; я и говорю ему (а у него двое сыновей): «Каллий! Если бы твои сыновья родились жеребятами или бычками, то нам следовало бы нанять для них воспитателя, который бы усовершенствовал присущую им породу, и человек этот был бы из наездников или земледельцев; ну а теперь, раз они люди, кого думаешь взять для них в воспитатели? Кто бы это мог быть знатоком подобной доблести, человеческой или гражданской? Полагаю, ты об этом подумал, приобретя сыновей? Есть ли таковой, спрашиваю, или нет?» «Конечно, – отвечает он, – есть». «Кто же это? – спрашиваю я. Откуда он и сколько берет за обучение?» «Эвен, – отвечает он, – с Пароса, берет по пяти мин, Сократ». И благословил я этого Эвена, если правда, что он обладает таким искусством и так недорого берет за обучение. Я бы и сам чванился и гордился, если бы был искусен в этом деле; только ведь я в этом не искусен, о мужи афиняне!

Каллий (ок. 455–370 до н. э.) – афинский полководец, дипломат, богач и любитель роскошной жизни, шурин Алкивиада. Ксенофонт и Платон изображают Каллия как человека хвастливого, неостроумного, гонящегося за модой и переплачивающего софистам за их уроки.

Усовершенствовал присущую им породу – в оригинале буквально «вложил бы в их красоту и доброту надлежащую добродетель», важный и для античной философии и для античной риторики тезис, что добродетель (доблесть, лучшее качество) довершает дело самой природы. «*Красота и доброта*» («калокагатия») – греческое выражение, которое может означать как идеал публичного высоконравственного поведения, так и в очень размытом смысле «норму» (как американское «о'кей» или французское «комильфо»), «бытие как надо», «бытие каким оно должно быть», в том числе и природное докультурное бытие.

Чванился и гордился – в оригинале буквально «украшал себя и вел себя вызывающе». Имеется в виду как провокационное одновременно речевое и бытовое поведение софистов, так и желание софистов приукрасить себя, в чем Сократ усматривал ложь.

Может быть, кто-нибудь из вас возразит: «Однако, Сократ, чем же ты занимаешься? Откуда на тебя эти клеветы? В самом деле, если бы сам ты не занимался чем-нибудь особенным, то и не говорили бы о тебе так много. Скажи нам, что это такое, чтобы нам зря не выдумывать». Вот это, мне кажется, правильно, и я сам постараюсь вам показать, что именно дало мне известность и навлекло на меня клевету.

Особенным – в оригинале буквально «излишеством, избыточным». Имеется в виду обычное обвинение со стороны завистников: «Ну, это уж слишком», «Ну, это он далеко зашел», «Это он как-то перебрал», которым оправдывают расправу.

Дало мне известность – в оригинале «сделало мне имя», выражение, которое и сейчас употребляется для факта знаменитости.

Слушайте же. И хотя бы кому-нибудь из вас показалось, что я шучу, будьте уверены, что я говорю сухую правду. Эту известность, о мужи афиняне, получил я не иным путем, как благодаря некоторой мудрости. Какая же это такая мудрость? Да уж, должно быть, человеческая мудрость. Этой мудростью я, пожалуй, в самом деле мудр; а те, о которых я сейчас говорил, мудры или сверхчеловеческой мудростью, или уж не знаю, как и сказать; что же меня касается, то я, конечно, этой мудрости не понимаю, а кто утверждает обратное, тот лжет и говорит это для того, чтобы оклеветать меня.

Сверхчеловеческий – такого отдельного слова в греческом языке нет, говорится буквально «выше человека» или «превышающее человека». Имеется в виду мудрость или иные качества богов, которые не нуждаются в человеческом обществе для своего проявления. В философии Платона и Аристотеля мудрость человека, которую мы бы назвали социальным опытом, противопоставляется мудрости богов, знающих будущее, а не только настоящее, с одной стороны, и мудрости животных, ведущих скучную жизнь, всегда добывающих себе пищу, мудрость которых поэтому ограничена лишь горизонтом выживания, с другой стороны. Конечно, это условная схема – и Платон и Аристотель признавали и некоторую ограниченность олимпийских богов, и некоторую избыточность в жизни и поведении животных, но эта схема исходна для понимания социального характера человеческого знания.

И вы не шумите, о мужи афиняне, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно; не свои слова буду я говорить, а сошлюсь на слова, для вас достоверные. Свидетелем моей мудрости, если только это мудрость, и того, в чем она состоит, я приведу вам бога, который в Дельфах.

Бог в Дельфах – Аполлон, общегреческое святилище которого находилось в Дельфах. Культ Аполлона был единым культом для всех греков, независимо от гражданской (полисной) принадлежности, и даже одна из ложных (поэтических) этимологий имени Аполлона была «Отрицающий множество», то есть Бог как начало единства, или «Губитель», губитель вредителей полей, защищающий урожай всех греков.

Ведь вы знаете Херефонта. Человек этот смолodu был и моим, и вашим приверженцем, разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами. И вы, конечно, знаете, каков был Херефонт, до чего он был неудержим во всем, что бы ни затевал. Ну вот же, приехав однажды в Дельфы, дерзнул он обратиться к оракулу с таким вопросом. Я вам сказал не шумите, о мужи! Вот он и спросил, есть ли кто-нибудь на свете мудрее меня, и Пифия ему ответила, что никого нет мудрее. И хотя сам он умер, но вот брат его засвидетельствует вам об этом.

Херефонт – афинский политик, один из самых преданных учеников Сократа. Высмеян в комедии Аристофана «Облака», где вместе с учителем якобы занимается решением философских вопросов вроде «передом или задом пищит комар» – вероятно, политическая шутка, не имеющая никакого отношения к реальным занятиям Сократа и его учеников. Херефонт запомнился афинянам как мужественный человек, патриот, не склонный ни к каким авантюрам.

Пифия – дельфийская вешунья Аполлона, произносившая в состоянии транса загадочные пророчества. Часто до сих пор думают, что виной этому были ядовитые испарения в дельфийских горах, но, вероятно, под

«испарениями» тогдашняя физиология понимала любое затуманивание мозга, независимо от причин, которыми могли быть, скажем, музыкальные ритмы.

Брат его (Херэфонта) – Херекрат, по свидетельству Ксенофонта, Сократ умел мирить этих часто ссорившихся братьев.

Посмотрите теперь, зачем я это говорю; ведь мое намерение – объяснить вам, откуда пошла клевета на меня. Услыхав это, стал я размышлять сам с собою таким образом: что бы такое Бог хотел сказать и что это он подразумевает? Потому что сам я, конечно, нимало не сознаю себя мудрым; что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не может же он лгать: не полагается ему это.

Бог не может лгать – впоследствии этот тезис стал главным в утверждении Декартом достоверности окружающего мира: Бог как совершенный предмет мысли не может лгать мне, раз моя мысль о себе заведомо не может быть ложной, а значит, и более совершенная мысль о Боге подразумевает только истинные утверждения о бытии.

Долго я недоумевал, что такое он хочет сказать; потом, собравшись с силами, прибегнул к такому решению вопроса: пошел я к одному из тех людей, которые слывут мудрыми, думая, что тут-то я, скорее всего, опровергну прорицание, объявив оракулу, что вот этот, мол, мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым. Ну и когда я присмотрелся к этому человеку – называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что человек, глядя на которого я увидел то, что я увидел, был одним из государственных людей, о мужи афиняне, – так вот, когда я к нему присмотрелся (да побеседовал с ним), то мне показалось, что этот муж только кажется мудрым и многим другим, и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет; и я старался доказать ему, что он только считает себя мудрым, а на самом деле не мудр. От этого и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня.

Кажется мудрым – противопоставление «кажимости» (греч. «докса») и «истины» (греч. «алетейя») – ключевое в полемике Сократа против софистов, согласно Сократу не просто умеющих убедить аудиторию в мнимых вещах, но и выдающих за настоящую мудрость мнимую мудрость, мудрость напоказ, публичное знание в противовес истинному знанию.

Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего в совершенстве не знаем, но он, не зная, думает, что что-то знает, а я коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю. На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я, не зная чего-то, и не воображаю, что знаю эту вещь. Оттуда я пошел к другому, из тех, которые кажутся мудрее, чем тот, и увидел то же самое; и с тех пор возненавидели меня и сам он, и многие другие.

Что знаю эту вещь – вариант самого известного афоризма Сократа «Я знаю только, что ничего не знаю», который приписывался иногда также Демокриту Абдерскому. Это утверждение противопоставляет действительное знание, понимающее собственные пределы, мнимому знанию, опытному или социальному, всегда искажающему собственный предмет.

Ну и после этого стал я уже ходить по порядку. Замечал я, что делаюсь ненавистным, огорчался этим и боялся этого, но в то же время мне казалось, что слова Бога необходимо ставить выше всего. Итак, чтобы понять, что означает изречение Бога, мне казалось необходимым пойти ко всем, которые слывут знающими что-либо. И, клянусь собакой, о мужи афиняне, уж вам-то я должен говорить правду, что я поистине испытал нечто в таком роде: те, что пользуются самою большою славой, показались мне, когда я исследовал дело по указанию Бога, чуть ли не самыми бедными разумом, а другие, те, что считаются похуже, – более им одаренными.

Клянусь собакой – частая клятва Сократа, считавшего слишком суеверным клясться богами.

Но нужно мне рассказать вам о том, как я странствовал, точно я труд какой-то нес, и все это для того только, чтобы прорицание оказалось непровергнутым. После государственных людей ходил я к поэтам, и к трагическим, и к дифирамбическим, и ко всем прочим, чтобы на месте уличить себя в том, что я невежественнее, чем они.

Дифирамб – гимн в честь Диониса, бога вина, необходимая часть дионисийских праздников, справлявшихся в Афинах всенародно. На этих праздниках представлялись также трагедии и комедии. Изобретение дифирамба приписывалось поэту Ариону; дифирамб включал в себя обращения солиста к Богу, диалоги и хоровые партии «хора мужчин» и «хора мальчиков»; такая структура, вероятно, повлияла на становление трагедии и комедии; во всяком случае, Аристотель думал именно так. Современное значение слова, «неумеренная похвала», представляет собой школьную насмешку над восторженностью этих экстатических гимнов, но ничего не говорит об их содержании и сути.

Брал я те из их произведений, которые, как мне казалось, всего тщательнее ими отработаны, и спрашивал у них, что именно они хотели сказать, чтобы, кстати, и научиться от них кое-чему. Стыдно мне, о мужи, сказать вам правду, а сказать все-таки следует. Ну да, одним словом, чуть ли не все присутствовавшие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами. Таким образом, и относительно поэтов вот что я узнал в короткое время: не мудростью могут они творить то, что они творят, а какую-то прирожденную способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям; ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, о чем говорят. Нечто подобное, как мне показалось, испытывают и поэты; и в то же время я заметил, что вследствие своего поэтического дарования они считали себя мудрейшими из людей и в остальных отношениях, чего на деле не было. Ушел я и оттуда, думая, что превосхожу их тем же самым, чем и государственных людей.

Прирожденною способностью и в исступлении – буквально, «от природы и в энтузиазме», энтузиазмом называлось вселение Бога в человека во время экстаза, вдохновение, близкое пророческому. Сократ поддерживает введенное софистами противопоставление «природы» и «искусства», но изменяет его смысл: если для софистов все социальное становилось условным и поэтому предметом манипуляции, то для Сократа социальное – это область действия особой мудрости, которой нет в природе. Мысль об иррациональных, инстинктивных истоках творчества потом поддерживалась многими мыслителями – от Платона до идеологов европейского романтизма.

Мудрейшие – имеется в виду не «учащие жизни» или «способные давать мудрые советы», но владеющие практической мудростью, мастера во всех ремеслах, профессионалы во всем. Сократ одновременно обличает и притязания софистов на универсальный профессионализм, и старые представления о поэзии как о вместилище всевозможной мудрости, в том числе практической, включая ремесленные советы, что было важно как для читателей Гомера и Гесиода, так и для ранних философов, представлявших свои достижения и догадки в виде поэм «О природе».

Под конец уж пошел я к ремесленникам.

Ремесленник – «работающий руками», здесь это слово лишено всякого презрительного оттенка, Сократ сам был из ремесленников. Скорее, мы бы

могли перевести это слово как «специалисты», создатели уникальных вещей. В классическую эпоху противопоставлялись «поэзия» как божественное творчество, влияющее на состояние всего мира, пересоздающее мир, и «искусство», оно же ремесло, как создание готовых вещей, например домов или кулинарных блюд. Современное высокое понимание «искусства» стало результатом начавшегося в эпоху Возрождения переноса привилегий «поэзии» на «ремесло».

Про себя я знал, что я попросту ничего не знаю, ну а уж про этих мне было известно, что я найду их знающими много хорошего. И в этом я не ошибся: в самом деле, они знали то, чего я не знал, и этим были мудрее меня. Но, о мужи афиняне, мне показалось, что они грешили тем же, чем и поэты: оттого, что они хорошо владели искусством, каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного, и эта ошибка заслоняла собою ту мудрость, какая у них была; так что, возвращаясь к изречению, я спрашивал сам себя, что бы я для себя предпочел, оставаться ли мне так, как есть, не будучи ни мудрым их мудростью, ни невежественным их невежеством, или, как они, быть и тем и другим. И я отвечал самому себе и оракулу, что для меня выгоднее оставаться как есть.

Вот от этого самого исследования, о мужи афиняне, с одной стороны, многие меня возненавидели, притом как нельзя сильнее и глубже, отчего произошло и множество клевет, а с другой стороны, начали мне давать это название мудреца, потому что присутствующие каждый раз думают, что сам я мудр в том, относительно чего я отрицаю мудрость другого. А на самом деле, о мужи, мудрым-то оказывается Бог, и этим изречением он желает сказать, что человеческая мудрость стоит немногого или вовсе ничего не стоит, и, кажется, при этом он не имеет в виду именно Сократа, а пользуется моим именем для примера, все равно как если бы он говорил, что из вас, о люди, мудрейший тот, кто, подобно Сократу, знает, что ничего-то по правде не стоит его мудрость. Ну и что меня касается, то я и теперь, обходя разные места, выискиваю и допытываюсь по слову Бога, не покажется ли мне кто-нибудь из граждан или чужеземцев мудрым, и, как только мне это не кажется, спешу поддержать Бога и показываю этому человеку, что он не мудр. И благодаря этой работе не было у меня досуга сделать что-нибудь достойное упоминания ни для города, ни для домашнего дела, но через эту службу Богу пребываю я в крайней бедности.

Достойное упоминания – обычное выражение для достопамятного дела или события, того, что идет в учет, засчитывается человеку за заслугу (в наших представлениях – дело, заслуживающее почетной награды).

Пребываю я в крайней бедности – имущество Сократа оценивалось после смерти в 5 мин – примерно годовой заработок чернорабочего.

Кроме того, следующие за мною по собственному почину молодые люди, у которых всего больше досуга, сыновья самых богатых граждан, рады бывают послушать, как я испытываю людей, и часто подражают мне сами, принимаясь пытаться других; ну и я полагаю, что они находят многое множество таких, которые думают, что они что-то знают, а на деле ничего не знают или знают одни пустяки. От этого те, кого они испытывают, сердятся не на самих себя, а на меня и говорят, что есть какой-то Сократ, негоднейший человек, который развращает молодых людей. А когда спросят их, что он делает и чему он учит, то они не знают, что сказать, но, чтобы скрыть свое затруднение, говорят то, что вообще принято говорить обо всех любителях мудрости: он-де занимается тем, что в небесах и под землю, богов не признает, ложь выдает за истину.

Испытываю – экзаменую. Сократ утвердил значение этого слова в смысле «расспросов».

Затруднение – греч. «апория», логическое понятие, обозначающее невозможность дать связный ответ на поставленный вопрос, включающий на одних правах конкретные и отвлеченные понятия. Известны, например, апории Зенона: «Можно ли говорить о движении, если в каждый момент движения тело неподвижно?» или «Можно ли, прибавляя по зерну, получить кучу, если сами по себе зерна еще не куча?»

А сказать правду, думаю, им не очень-то хочется, потому что тогда оказалось бы, что они только делают вид, будто что-то знают, а на деле ничего не знают. Ну а так как они, думается мне, честолюбивы, могущественны и многочисленны и говорят обо мне согласно и убедительно, то и переполнили ваши уши, клевета на меня издавна и громко.

Громко – можно перевести также как «сильно», «чрезмерно», «нагло».

От этого обрушились на меня и Мелет, и Анит, и Ликон: Мелет, негодуя за поэтов, Анит – за ремесленников, а Ликон – за риторов. Так что я удивился бы, как говорил вначале, если бы оказался способным опровергнуть перед вами в столь малое время столь великую клевету. Вот вам, о мужи афиняне, правда, как она есть, и говорю я вам без утайки, не умалчивая ни о важном, ни о пустяках. Хотя я, может быть, и знаю, что через это становлюсь ненавистным, но это и служит доказательством, что я сказал правду и что в этом-то и состоит клевета на меня и таковы именно ее причины. И когда бы вы ни стали исследовать это дело, теперь или потом, всегда вы найдете, что это так.

Итак, что касается первых моих обвинителей, этой моей защиты будет для обвинителей достаточно; а теперь я постараюсь защищаться против Мелета, любящего, как он говорит, наш город, и против остальных обвинителей. Опять-таки, конечно, примем их обвинение за формальную присягу других обвинителей. Кажется, так: Сократ, говорят они, преступает закон тем, что развращает молодых людей и богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знамения. Таково именно обвинение; рассмотрим же каждое слово этого обвинения отдельно. Мелет говорит, что я преступаю закон, развращая молодых людей, а я, о мужи афиняне, утверждаю, что преступает закон Мелет, потому что он шутит важными вещами и легкомысленно призывает людей на суд, делая вид, что он заботится и печалится о вещах, до которых ему никогда не было никакого дела; а что оно так, я постараюсь показать это и вам.

Любящего... наш город – Сократ иронизирует: слушатели помнили, что Мелет сотрудничал с оккупационной властью Тридцати тиранов.

Божественные знамения – лучше перевести просто «божества», греческое «даймонион» означает «нечто божественное», и так Сократ называл своего духа (на латинский это слово было переведено как «гений», откуда знакомый нам арабский джинн и гений в значении «творческий вдохновитель»).

Шутит важными вещами – буквально «усердно (или: пристрастно, тенденциозно, «от души») издевается». Слово, переведенное как «шутить», имело смысл скорее «заигрывать» (в том числе эротически ухаживать, что есть и в старом русском «шутить с девицей»), а также издеваться, играть с тем, что заслуживает почтения.

– Ну вот, Мелет, скажи-ка ты мне: не правда ли, для тебя очень важно, чтобы молодые люди были как можно лучше?

Не вполне ясно, действительно ли Мелет отвечал на вопросы Сократа или эти ответы подразумевались самой логикой обращений Сократа к Мелету. Перед нами один из первых образцов речи, построенной как скрытый

диалог с собеседником, который вынужден признать неправильность своей позиции. Таких речей сейчас немало в голливудских фильмах: собеседнику не обязательно даже отвечать, потому что зритель сразу поймет, что тот может ответить.

– Конечно.

– В таком случае скажи-ка ты вот этим людям, кто именно делает их лучшими? Очевидно, ты знаешь, коли заботишься об этом. Развратителя ты нашел, как говоришь: привел сюда меня и обвиняешь; а назови-ка теперь того, кто делает их лучшими, напости им, кто это. Вот видишь, Мелет, ты молчишь и не знаешь, что сказать. И тебе не стыдно? И это не кажется тебе достаточным доказательством, что тебе нет до этого никакого дела? Однако, добрейший, говори же: кто делает их лучшими?

Добрейший – в оригинале просто «добрый»: одно из обычных обращений к собеседнику, вроде нашего «друг» или «почтенный». Насколько нейтральны, а насколько ироничны такие обращения – сказать трудно: обычно в речи эти оттенки непостоянные и мерцающие.

– Законы.

– Да не об этом я спрашиваю, любезнейший, а о том, кто эти люди, что прежде всего знают их, эти законы.

– А вот они, Сократ, – судьи.

– Что ты говоришь, Мелет! Вот эти самые люди способны воспитывать юношей и делать их лучшими?

– Как нельзя более.

– Все? Или одни способны, а другие нет?

– Все.

– Хорошо же ты говоришь, клянусь Герой, и какое множество людей, полезных для других! Ну а вот они, слушающие, делают юношей лучшими или же нет?

Клянусь Герой – клятва Герой часто заменяла высшую клятву, клятву Зевсом: клясться именем супруги вместо супруга казалось безопаснее. Существовала также клятва Харитами – первоначально словом «харита» называлась особая жидкость, изливаемая с неба и делающая человека прекрасным и вдохновенным; вероятно, изначально опьяняющая жидкость или блеск неожиданного явления богов, но в классической Греции уже складывается представление о Харитах как о богинях юной и вдохновенной красоты, прелести и милости. В христианстве словом «харита» называется благодать, тоже мыслимая как обильная и вдохновляющая жидкость, «излияние благодати».

– И они тоже.

– А члены Совета?

Совет – Совет Пятисот, высший орган административной и судебной власти в древних Афинах. В него избиралось по 50 человек от каждой из 10 фил (исторических районов) Афин; филы заседали поочередно, так что практические решения принимали 50 человек, именовавшиеся на время их полномочий пританами, то есть ответственными лицами. В современном греческом пританом называется ректор университета. Председатель сессии звался эпистатом, предстоятелем, он избирался в начале каждого заседания. При этом для суда собирались все 500, как это и было в суде над Сократом.

– Да, и члены Совета.

– Но в таком случае, Мелет, не портят ли юношей те, что участвуют в Народном собрании? Или и те тоже, все до единого, делают их лучшими?

– И те тоже.

– По-видимому, кроме меня, все афиняне делают их добрыми и прекрасными, только я один порчу. Ты это хочешь сказать?

– Как раз это самое.

– Большое же ты мне, однако, приписываешь несчастье. Но ответь-ка мне: кажется ли тебе, что так же бывает и относительно лошадей, что улучшают их все, а портит кто-нибудь один? Или же совсем напротив, улучшать способен кто-нибудь один или очень немногие, именно знатоки верховой езды, а когда ухаживают за лошадьми и пользуются ими все, то портят их? Не бывает ли, Мелет, точно так же не только относительно лошадей, но и относительно всех других животных? Да уж само собою разумеется, согласны ли вы с Анитом на это или не согласны, потому что это было бы удивительное счастье для юношей, если бы их портил только один, остальные же приносили бы им пользу. Впрочем, Мелет, ты достаточно показал, что никогда не заботился о юношах, и ясно обнаруживаешь свое равнодушие: тебе нет никакого дела до того самого, из-за чего ты привел меня в суд.

Лошади – мода на дорогих лошадей была в Афинах устойчивой, владеть лошастью и много времени уделять выездам и уходу за ней – признак как аристократа, так и нувориша. Сократ намекает на то, что обвинители обращаются к сознанию недавних выскочек. Интересно, что мода на лошадей обыграна и в «Облаках» Аристофана, где незадачливый последователь Сократа носит нелепое имя Фидиппид, то есть Лошадечтитель, и помешан только на лошадях и скачках – наподобие нынешнего помешательства «золотой молодежи» на спортивных автомобилях.

А вот, Мелет, скажи нам еще, ради Зевса: что приятнее, жить ли с хорошими гражданами или с дурными? Ну, друг, отвечай! Я ведь не спрашиваю ничего трудного. Не причиняют ли дурные какого-нибудь зла тем, которые всегда с ними в самых близких отношениях, а добрые – какого-нибудь добра?

– Конечно.

– Так найдется ли кто-нибудь, кто желал бы скорее получать от ближних вред, чем пользу? Отвечай, добрейший, ведь и закон повелевает отвечать. Существует ли кто-нибудь, кто желал бы получать вред?

– Конечно, нет.

– Ну вот. А привел ты меня сюда как человека, который портит и ухудшает юношей намеренно или ненамеренно?

Намеренно или ненамеренно – важнейшая этическая оппозиция античности, которую лучше перевести «по воле» и «против воли», или «добровольно» и «недобровольно». Она подразумевала как обсуждение условий этического выбора под давлением природных или социальных обстоятельств, так и природу этического выбора как осознанного движения воли. Не следует смешивать эту оппозицию с другим значением «намерения» как принятия решения, исходя из всех имеющихся обстоятельств, как рефлексивного акта (что вернее было бы перевести как «решение», «умысел», буквально «совет»), в отличие от обсуждаемых в этой оппозиции базовых этических интуиций. В греческом языке этим значениям соответствуют разные слова.

– Который портит намеренно.

– Как же это так, Мелет? Ты, такой молодой, настолько мудрее меня, что тебе уже известно, что злые причиняют своим ближним какое-нибудь зло, а добрые – добро, а я, такой старый, до того невежествен, что не знаю даже, что если я кого-нибудь из близких сделаю негодным, то должен опасаться от него какого-нибудь зла, и вот такое-то великое зло я добровольно на себя навлекаю, как ты утверждаешь! В этом я тебе не поверю, Мелет, да и никто другой, я думаю, не поверит. Но или я не порчу, или если порчу, то ненамеренно; таким образом, у тебя-то выходит ложь в обоих случаях. Если же я порчу ненамеренно, то за такие невольные проступки не следует по закону приводить сюда, а следует, обратившись частным образом, учить и наставлять; потому, ясное дело, что, уразумевши, я перестану делать то, что делаю ненамеренно. Ты же меня избегал и не хотел научить, а привел меня сюда, куда по закону следует приводить тех, которые имеют нужду в наказании, а не в научении.

Но ведь это уже ясно, о мужи афиняне, что Мелету, как я говорил, никогда не было до этих вещей никакого дела; а все-таки ты нам скажи, Мелет, каким образом, по-твоему, порчу я юношей? Не ясно ли, по обвинению, которое ты против меня подал, что я порчу их тем, что учу не почитать богов, которых почитает город, а почитать другие, новые божественные знамения? Не это ли ты разумеешь, говоря, что своим учением я врежу?

– Вот именно это самое.

– Так ради них, Мелет, ради этих богов, о которых теперь идет речь, скажи еще раз то же самое яснее и для меня, и для этих вот мужей. Дело в том, что я не могу понять, что ты хочешь сказать: то ли, что некоторых богов я учу признавать, а следовательно, и сам признаю богов, так что я не совсем безбожник и не в этом мое преступление, а только я учу признавать не тех богов, которых признает город, а других, и в этом-то ты меня и обвиняешь, что я признаю других богов; или же ты утверждаешь, что я вообще не признаю богов, и не только сам не признаю, но и других этому научаю.

Признавать – буквально «делать законными»: так называлось не просто почитание богов, список которых был для любого древнего грека открытым, но признание Бога в качестве важного для государственной и общественной жизни.

– Вот именно, я говорю, что ты вообще не признаешь богов.

– Удивительный ты человек, Мелет! Зачем ты это говоришь? Значит, я не признаю богами ни Солнце, ни Луну, как признают прочие люди?

– Право же так, о мужи судьи, потому что он утверждает, что Солнце – камень, а Луна – земля.

– Берешься обвинять Анаксагора, друг Мелет, и так презираешь судей и считаешь их столь несведущими по части литературы! Ты думаешь, им неизвестно, что книги Анаксагора Клазоменского переполнены подобными мыслями? А молодые люди, оказывается, узнают это от меня, когда они могут узнать то же самое, заплативши за это в оркестре иной раз не больше драхмы, и потом смеяться над Сократом, если бы он приписывал эти мысли себе, к тому же еще столь нелепые! Но скажи, ради Зевса, так-таки я, по-твоему, никаких богов и не признаю?

Анаксагор Клазоменский (ок. 500–428 до н. э.) – философ, математик, настаивал на натуралистическом объяснении небесных явлений. Так, солнце он считал раскаленным камнем, а траекторию его движения объяснял различной плотностью воздуха вокруг земли. За отрицание почитаемых городом богов он был приговорен к смерти, но фактический правитель Афинской империи Перикл, учившийся у него, добился замены казни ссылкой.

Орхестра – круглая сцена античного театра (в то время как «сценой», буквально «палаткой, шалашом» в античном театре назывались кулисы). Здесь в переводе передан обычный для разговорной речи сбой в оригинале: должно быть «заплатив... узнать в орхестре», то есть из хода спектакля. Гипотеза о том, что орхестрой мог называться книжный магазин, в некоторых современных комментариях, не находит достаточных подтверждений.

– То есть вот ничуточки!

– Это невероятно, Мелет, да мне кажется, ты и сам этому не веришь. Что касается меня, о мужи афиняне, то мне кажется, что человек этот большой наглец и озорник и что он подал на меня эту жалобу просто по наглости и озорству да еще по молодости лет. Похоже, что он придумал загадку и пробует: заметит ли Сократ, наш мудрец, что я шучу и противоречу сам себе, или мне удастся провести и его, и прочих слушателей? Потому что мне кажется, что в своем обвинении он сам себе противоречит, все равно как если бы он сказал: Сократ нарушает закон тем, что не признает богов, а признает богов. Ведь это же шутка!

Загадка – в фольклоре часто понималась как необходимое испытание, посвящение, поэтому в загадке была важна не сложность, а непроясненность предпосылок, и разгадывание загадки означало понимание предпосылок. Например, эротическая загадка, разгадывание которой означало знакомство с телесной половой жизнью, или загадка Сфинкса Эдипу, разгадка которой «человек» оказалась роковым самопознанием Эдипа.

Ну вот посмотрите, так ли он это говорит, как мне кажется. Ты, почтеннейший Мелет, отвечай нам, а вы помните, о чем я вас просил вначале, – не шуметь, если я буду говорить по-своему. Есть ли, Мелет, на свете такой человек, который дела бы людские признавал, а людей не признавал? Скажите ему, о мужи, чтобы он отвечал, а не шумел бы то и дело. Есть ли на свете кто-нибудь, кто бы лошадей не признавал, а все лошадиное признавал бы? Или: флейтистов бы не признавал, а игру на флейте признавал бы? Не существует такого, любезнейший! Если ты не желаешь отвечать, то я сам буду говорить тебе, а также вот и им. Ну а уж на следующее ты должен сам ответить: есть ли на свете кто-нибудь, кто бы знамения божественные признавал, а гениев бы не признавал?

Гений – слово употреблено в переводе для передачи греческого «демон», здесь любой бог, чтобы отличать его от «божества», «демония», духовного начала (в оригинале – в среднем роде), которое Сократ и нашел в себе.

– Нет.

– Наконец-то! Как это хорошо, что они тебя заставили ответить! Итак, ты утверждаешь, что божественные знамения я признаю и научаю других признавать – новые или старые все равно, только уж самые-то божественные знамения признаю, как ты говоришь, и ты подтвердил это клятвою; а если я признаю божественные знамения, то мне уже никак невозможно не признавать гениев. Разве не так? Конечно, так. Принимаю, что ты согласен, если не отвечаешь. А не считаем ли мы гениев или богами, или детьми богов? Да или нет?

Дети богов – может означать не только «потомки богов от смертных или от богов», хотя ниже Сократ и приводит такое самое натуралистическое понимание как основное, но и «младшие боги», «свита богов», «слуги самых известных богов» (как «дети боярские» в допетровском русском праве). Иначе говоря, хотя правовой статус гениев может быть иным, чем у верховных олимпийских богов, нельзя не признать, что они той же природы, и значит, воздавая им почитание, человек вполне этим доказывает полное свое благочестие.

– Конечно, считаем.

– Итак, если гениев я признаю, как ты утверждаешь, а гении суть своего рода боги, то оно и выходит так, как я сказал, что ты шутишь и предлагаешь загадку, утверждая, что я не признаю богов и в то же время что я признаю богов, потому что гениев-то я по крайней мере признаю. А с другой стороны, если гении вроде как побочные дети богов, от нимф или каких-то еще существ, как это и принято думать, то какой же человек, признавая божьих детей, не будет признавать богов? Это было бы так же нелепо, как если бы кто-нибудь признавал, что существуют мулы – лошадиные и ослиные дети, а что существуют лошади и ослы, не признавал бы. Нет, Мелет, не может быть, чтобы ты подал это обвинение иначе, как желая испытать нас, или же ты недоумевал, в каком бы настоящем преступлении обвинить меня. А чтобы ты мог убедить кого-нибудь, у кого есть хоть немного ума, что один и тот же человек может и признавать и демоническое, и божественное и в то же время не признавать ни демонов, ни богов, это никоим образом невозможно.

Впрочем, о мужи афиняне, что я невиновен в том, в чем меня обвиняет Мелет, это, мне кажется, не требует дальнейших доказательств, довольно будет и сказанного. А что у многих явилось против меня сильное ожесточение, о чем я и говорил вначале, это, будьте уверены, истинная правда. И если что погубит меня, так именно это; не Мелет и не Анит, а клевета и недоброжелательство многих – то, что погубило уже немало честных людей, думаю, что и еще погубит. Не думайте, что дело на мне остановится!

Ожесточение – оригинальное греческое слово означает не столько агрессивность, сколько отвращение, неспособность что-то вынести (близко зависти), что и звучит в русских выражениях вроде «ожесточенное сердце», которому всё вокруг неприятно.

Но, пожалуй, кто-нибудь скажет: Сократ, не стыдно ли тебе заниматься таким делом, от которого, может быть, тебе придется теперь умереть?

Дело – слово оригинала лучше переводить как «необходимость», «забота», «обыденность», «повседневная суета», «рутина», нечто неизбежное и при этом малоприятное. Сократ иронизирует над тем, что обвинители поставили его в безвыходное положение, и поэтому он вынужден трактовать свои философские занятия как необходимые, хотя они окажутся роковыми.

А на это я по справедливости могу возразить: нехорошо ты это говоришь, мой милый, будто человеку, который приносит хотя бы малую пользу, следует принимать в расчет смерть, а не думать всегда лишь о том, делает ли он дела справедливые или несправедливые, дела доброго человека или злого. Плохими, по твоему рассуждению, окажутся все те полубоги, которые пали под Троей, в том числе и сын Фетиды, который из страха сделать что-нибудь постыдное до того презирал опасность, что, когда мать его, Богиня, видя, что он горит желанием убить Гектора, сказала ему, помнится, так: «Дитя мое, если ты отомстишь за убийство друга твоего Патрокла и убьешь Гектора, то сам умрешь: “Скоро за сыном Приама конец и тебе уготован”», – он, услышав это, не посмотрел на смерть и опасность, а гораздо больше убоился оставаться в живых, будучи трусом и не мстя за друзей. «Умереть бы, – говорит он, – мне тотчас, покарав обидчика, только бы не оставаться еще здесь, у кораблей дуговидных, посмешищем для народа и бременем для земли». Кажется ли тебе, что он подумал при этом о смерти и об опасности? Вот оно как бывает поистине, о мужи афиняне: где кто поставил себя, думая, что для него это самое лучшее место, или же поставлен начальником, там и должен переносить опасность, не принимая в расчет ничего, кроме позора, – ни смерти, ни еще чего-нибудь.

Полубоги – здесь синоним слова «цари», как происходящие из божественного рода. В более узком смысле – герои, как называли детей Бога и смертной или Богини и смертного.

Сын Фетиды – Ахилл. Далее излагается сюжет XVIII песни «Илиады» Гомера (самого деления на песни, вероятно, во времена Сократа еще не было, но все сюжеты Гомера были на слуху у публики, так как «Илиада», среди прочего, обосновывала единство греческого мира).

Было бы ужасно, о мужи афиняне, если бы, после того как я оставался в строю, как и всякий другой, и подверглся опасности умереть тогда, когда меня ставили начальники, вами выбранные для начальства надо мною, – под Потидеей, Амфиполем и Делием, – если бы теперь, когда меня поставил сам Бог, для того, думаю, чтобы мне жить, занимаясь философией, и испытывать самого себя и других, если бы теперь я испугался смерти или еще чего-нибудь и бежал из строя; это было бы ужасно, и тогда в самом деле можно было бы по справедливости судить меня за то, что я не признаю богов, так как не слушаюсь оракула, боюсь смерти и считаю себя мудрым, не будучи таковым, потому что бояться смерти есть не что иное, как думать, что знаешь то, чего не знаешь.

Под Потидеей, Амфиполем и Делием – эпизоды Пелопонесской войны, в которых Сократ проявил личное мужество.

Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она для человека величайшее из благ, а все боятся ее, как будто знают наперед, что она есть величайшее из зол. Но не самое ли это позорное невежество – думать, что знаешь то, чего не знаешь? Что же меня касается, о мужи, то, пожалуй, я и тут отличаюсь от большинства людей только одним: если я кому-нибудь и кажусь мудрее других, то разве только тем, что, недостаточно зная об Аиде, так и думаю, что не знаю.

Аид – бог загробья и обозначение самого загробья. Сократ иронизирует, что если уж он готовится к смерти, то как его можно упрекать в непочитании общепризнанного бога Аида.

А что нарушать закон и не слушаться того, кто лучше меня, будь это бог или человек, нехорошо и постыдно – это вот я знаю. Никогда поэтому не буду я бояться и избегать того, что может оказаться и благом, более, чем того, что наперед есть зло. Так что если бы вы меня отпустили, не поверив Аниту, который сказал, что или мне вообще не следовало приходить сюда, а уж если пришел, то невозможно не казнить меня, и внушал вам, что если я уйду от наказания, то сыновья ваши, занимаясь тем, чему учит Сократ, развратятся уже вконец все до единого, – даже если бы вы меня отпустили и при этом сказали мне: на этот раз, Сократ, мы не согласимся с Анитом и отпустим тебя, с тем, однако, чтобы ты больше не занимался этим исследованием и оставил философию, а если еще раз будешь в этом уличен, то должен будешь умереть, – так вот, говорю я, если бы вы меня отпустили на этом условии, то я бы вам сказал: «Желать вам всякого добра – я желаю, о мужи афиняне, и люблю вас, а слушаться буду скорее Бога, чем вас, и, пока есть во мне дыхание и способность, не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас, кого только встречу, говоря то самое, что обыкновенно говорю: о лучший из мужей, гражданин города Афин, величайшего из городов и больше всех прославленного за мудрость и силу, не стыдно ли тебе, что ты заботаешься о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и о почестях, а о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше, – не заботаешься и не помышляешь?» И если кто из вас станет возражать и утверждать, что он об этом заботится, то я не оставлю его и не уйду от него тотчас же, а буду его расспрашивать, пытаться, опровергать и, если мне покажется, что в нем нет доблести, а он только говорит, что есть, буду попрекать его за то, что он самое дорогое

не ценит ни во что, а плохое ценит дороже всего. Так я буду поступать со всяким, кого только встречу, с молодым и старым, с чужеземцами и с вами, с вами особенно, потому что вы мне ближе по крови.

По крови – буквально «по роду», словом «род» называлась как династия, так и более крупные политические общности, такие как полис или даже вся Греция; примерно соответствует нашему понятию «страна», что может значить как государство, так и изначально местную общность или всех родных людей.

Могу вас уверить, что так велит Бог, и я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение Богу. Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, молодого и старого, заботиться раньше и сильнее не о телах ваших или о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше, говоря вам: не от денег рождается доблесть, а от доблести бывают у людей и деньги и все прочие блага, как в частной жизни, так и в общественной. Да, если бы такими словами я развращал юношей, то слова эти были бы вредными. А кто утверждает, что я говорю что-нибудь другое, а не это, тот несет вздор. Вот почему я могу вам сказать, афиняне: послушаетесь вы Анита или нет, отпустите меня или нет – поступать иначе, чем я поступаю, я не буду, даже если бы мне предстояло умирать много раз.

Не шумите, мужи афиняне, исполните мою просьбу – не шуметь по поводу того, что я говорю, а слушать; слушать вам будет полезно, как я думаю. Я намерен сказать вам и еще кое-что, от чего вы, наверное, пожелаете кричать, только вы никоим образом этого не делайте. Будьте уверены, что если вы меня такого, как я есть, убьете, то вы больше повредите себе, нежели мне. Мне-то ведь не будет никакого вреда ни от Мелета, ни от Анита, да они и не могут мне повредить, потому что я не думаю, чтобы худшему было позволено вредить лучшему. Разумеется, он может убить, изгнать из отечества, отнять все права. Но ведь это он или еще кто-нибудь считает все подобное за великое зло, а я не считаю; гораздо же скорее считаю я злом именно то, что он теперь делает, замысливая несправедливо осудить человека на смерть. Таким образом, о мужи афиняне, я защищаюсь теперь совсем не ради себя, как это может казаться, а ради вас, чтобы вам, осудивши меня на смерть, не прогладеть дара, который вы получили от Бога. В самом деле, если вы меня убьете, то вам нелегко будет найти еще такого человека, который, смешно сказать, приставлен к городу как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся от тучности и нуждающейся в том, чтобы ее подгоняли. В самом деле, мне кажется, что Бог послал меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает. Другого такого вам нелегко будет найти, о мужи, а меня вы можете сохранить, если вы мне поверите. Но очень может статься, что вы, как люди, которых будят во время сна, ударите меня и с легкостью убьете, послушавшись Анита, и тогда всю остальную вашу жизнь проведете во сне, если только Бог, жалея вас, не пошлет вам еще кого-нибудь.

Будят во время сна – образ занятий философией как пробуждения от сна привычных представлений потом стал важен для Декарта и других философов, считавших такое бодрствование, критическое отношение к впечатлениям и готовым представлениям о вещах, этическим требованием к философу. В таком состоянии философ видит вещи иначе, как это определил Б.Л. Пастернак в цикле «Занятие философией»:

И сады, и пруды, и ограды,
И кипящее белыми воплями
Мирозданье – лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной.

А что я такой как будто бы дан городу Богом, это вы можете усмотреть вот из чего: похоже ли на что-нибудь человеческое, что я забросил все свои собственные дела и сколько уже лет терпеливо переношу упадок домашнего хозяйства, а вашим делом занимаюсь всегда, обращаясь к каждому частным образом, как отец или старший брат, и убеждая заботиться о добродетели. И если бы я от этого пользовался чем-нибудь и получал бы плату за эти наставления, тогда бы еще был у меня какой-нибудь расчет, а то сами вы теперь видите, что мои обвинители, которые так бесстыдно обвиняли меня во всем прочем, тут по крайней мере оказались неспособными к бесстыдству и не представили свидетеля, который показал бы, что я когда-либо получал какую-нибудь плату или требовал ее; потому, думаю, что я могу представить верного свидетеля того, что я говорю правду, – мою бедность. Может в таком случае показаться странным, что я подаю эти советы частным образом, обходя всех и во все вмешиваясь, а выступать всенародно в вашем собрании и давать советы городу не решаюсь. Причина этому та самая, о которой вы часто и повсюду от меня слышали, а именно, что мне бывает какое-то чудесное божественное знамение; ведь над этим и Мелет посмеялся в своей жалобе. Началось у меня это с детства: вдруг – какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет. Вот этот-то голос и не допускает меня заниматься государственными делами. И, кажется, прекрасно делает, что не допускает. Будьте уверены, о мужи афиняне, что если бы я попробовал заниматься государственными делами, то уже давно бы погиб и не принес бы пользы ни себе, ни вам. И вы на меня не сердитесь, если я вам скажу правду: нет такого человека, который мог бы уцелеть, если бы стал откровенно противиться вам или какому-нибудь другому большинству и хотел бы предотвратить все то множество несправедливостей и беззаконий, которые совершаются в государстве. Нет, кто в самом деле ратует за справедливость, тот, если ему и суждено уцелеть на малое время, должен оставаться частным человеком, а вступать на общественное поприще не должен. Доказательства этого я вам представлю самые веские, не рассуждения, а то, что вы цените дороже, – дела. Итак, выслушайте, что со мною случилось, и тогда вы увидите, что я и под страхом смерти никого не могу послушаться вопреки справедливости, а не слушаясь, могу от этого погибнуть. То, что я намерен вам рассказать, досадно и скучно слушать, зато это истинная правда. Никогда, афиняне, не занимал я в городе никакой другой должности, но в Совете я был.

Сократ был членом Совета Пятисот в 406 году до н. э. Далее рассказан важный эпизод его жизни: будучи эпистатом, Сократ выступил против казни стратегов (полководцев), которые не успели похоронить погибших в бою из-за бури и тем самым совершили религиозное преступление – кощунственное непогребение тел. В числе этих стратегов, кстати, был сын Перикла и Аспасии. Предложение Сократа вызвало возмущение большинства сограждан, хотя после они раскаивались в том, что настояли на казни стратегов, поняв, что такие казни или наказания могут коснуться и их, поскольку никому не известны будущие обстоятельства, в которые человек попадет.

И пришла нашей филе Антиохиде очередь заседать в то время, когда вы желали судить огулом десятерых стратегов, которые не подобрали пострадавших в морском сражении, – судить незаконно, как вы сами признали это впоследствии. Тогда я, единственный из пританов, восстал против нарушения закона, и в то время, когда ораторы готовы были обвинить меня и посадить в тюрьму и вы сами этого требовали и кричали, – в то время я думал, что мне скорее следует, несмотря на опасность, стоять на стороне закона и справедливости, нежели из страха перед тюрьмой или смертью быть заодно с вами, желающими несправедливого. Это еще было тогда, когда город управлялся народом, а когда наступила олигархия, то и Тридцать в свою

очередь призвали меня и еще четверых граждан в Круглую палату и велели нам привезти из Саламина саламинца Леонта, чтобы казнить его.

Круглая палата – пританей, столовая для пританов Совета Пятисот, в которой в том числе кулуарно обсуждались административные и юридические решения, по-нашему, место для закрытых совещаний, клуб.

Леонт Саламинский – афинский полководец, казнен при тирании Тридцати по обвинению в заговоре. Тираны разграбили оставшееся после него имущество, поэтому большинство современников подозревало, что тираны казнили человека несправедливо ради собственного обогащения.

Многое в этом роде приказывали они делать и многим другим, желая отыскать как можно больше виновных. Только и на этот раз опять я доказал не словами, а делом, что для меня смерть, если не грубо так выразиться, – самое пустое дело, а вот воздерживаться от всего беззаконного и безбожного – это для меня самое важное. Таким образом, как ни могущественно было это правительство, а меня оно не испугало настолько, чтобы заставить сделать что-нибудь несправедливое, но, когда вышли мы из Круглой палаты, четверо из нас отправились в Саламин и привезли Леонта, а я отправился домой. И по всей вероятности, мне пришлось бы за это умереть, если бы правительство не распалось в самом скором времени. И всему этому у вас найдется много свидетелей. Кажется ли вам после этого, что я мог бы прожить столько лет, если бы занимался общественными делами, занимался бы притом достойно порядочного человека, спешил бы на помощь к правым и считал бы это самым важным, как оно и следует? Никоем образом, о мужи афиняне! И никому другому это невозможно. А я всю жизнь оставался таким, как в общественных делах, насколько в них участвовал, так и в частных, никогда и ни с кем не соглашаясь вопреки справедливости, ни с теми, которых клеветники мои называют моими учениками, ни еще с кем-нибудь.

Моими учениками – имеются в виду Алкивиад, к тому времени одиозный политический авантюрист, и Критий, софист и драматург, один из Тридцати тиранов. Оба сами себя считали учениками Сократа. Сократа больше всего попрекали этими талантливыми, но безнравственными учениками.

Да я не был никогда ничьим учителем, а если кто, молодой или старый, желал меня слушать и видеть, как я делаю свое дело, то я никому никогда не препятствовал. И не то чтобы я, получая деньги, вел беседы, а не получая, не вел, но одинаково как богатому, так и бедному позволяю я меня спрашивать, а если кто хочет, то и отвечать мне и слушать то, что я говорю. И за то, хороши ли эти люди или дурны, я по справедливости не могу отвечать, потому что никого из них никогда никакой науке я не учил и не обещал научить. Если же кто-нибудь утверждает, что он частным образом научился от меня чему-нибудь или слышал от меня что-нибудь, чего бы не слыхали и все прочее, тот, будьте уверены, говорит неправду. Но отчего же некоторые любят подолгу бывать со мною? Слышали вы это, о мужи афиняне; сам я вам сказал всю правду: потому что они любят слушать, как я пытаю тех, которые считают себя мудрыми, не будучи таковыми. Это ведь не лишено удовольствия. А делать это, говорю я, поручено мне Богом и через прорицания, и в сновидениях, вообще всякими способами, какими когда-либо еще обнаруживалось божественное определение и поручалось человеку делать что-нибудь. Это не только верно, афиняне, но и легко доказуемо. В самом деле, если одних юношей я развращаю, а других уже развратил, то ведь те из них, которые уже состарились и узнали, что когда-то, во время их молодости, я советовал им что-то дурное, должны были бы теперь прийти мстить мне и обвинять меня. А если сами они не захотели, то кто-нибудь из их домашних, отцы, братья, другие родственники, если бы только их близкие потерпели от меня что-нибудь дурное, вспомнили бы теперь об этом. Да уж, конечно, многие из них тут, как я вижу: ну вот, во-первых, Критон, мой сверстник и из одного со мною дема, отец вот его, Критобула; затем сфеттиец

Лисаний, отец вот его, Эсхина; еще кефисиец Антифон, отец Эпигена; а еще вот братья тех, которые ходили за мною, – Никострат, сын Феозотида и брат Феодота; самого Феодота уже нет в живых, так что он по крайней мере не мог упросить брата, чтобы он не говорил против меня; вот и Парад, Демодоков сын, которому Феаг приходился братом; а вот Адимант, Аристонов сын, которому вот он, Платон, приходится братом, и Эантодор, брат вот этого, Аполлодора.

Многие из них тут – скорее всего, по именам названы действительно присутствовавшие ученики. Более полный список учеников Сократа есть в средневековом византийском словаре «Суда» («Смесь»).

Дем – буквально «народ»: самая малая административная единица Афин, «избирательный округ».

Я могу назвать еще многих других, и Мелету в его речи всего нужнее было выставить кого-нибудь из них как свидетеля; а если тогда он забыл это сделать, то пусть сделает теперь, я ему разрешаю, и, если он может заявить что-нибудь такое, пусть говорит. Но вы увидите совсем противоположное, о мужи, увидите, что все готовы броситься на помощь ко мне, к тому развратителю, который делает зло их домашним, как утверждают Мелет и Анит. У самих развращенных, пожалуй, еще может быть основание защищать меня, но у их родных, которые не развращены, у людей уже старых, какое может быть другое основание защищать меня, кроме прямой и справедливой уверенности, что Мелет лжет, а я говорю правду. Но об этом довольно, о мужи! Вот приблизительно то, что я могу так или иначе привести в свое оправдание. Возможно, что кто-нибудь из вас рассердится, вспомнив о себе самом, как сам он, хотя дело его было и не так важно, как мое, упрашивал и умолял судей с обильными слезами и, чтобы разжалобить их как можно больше, приводил своих детей и множество других родных и друзей, а вот я ничего такого делать не намерен, хотя подвергаюсь, как оно может казаться, самой крайней опасности. Так вот возможно, что, подумав об этом, кто-нибудь не сочтет уже нужным стесняться со мною и, рассердившись, подаст в сердцах свой голос. Думает ли так кто-нибудь из вас в самом деле, я этого не утверждаю; а если думает, то мне кажется, что я отвечу ему правильно, если скажу: «Есть и у меня, любезнейший, кое-какие родные; тоже ведь и я, как говорится у Гомера, не от дуба родился и не от скалы, а произошел от людей; есть у меня и родные, есть и сыновья, о мужи афиняне, целых трое, один уже взрослый, а двое – младенцы; тем не менее ни одного из них не приведу я сюда и не буду просить вас о помиловании».

Не от дуба родился... – цитата из Гомера («Одиссея», XIX, 162), обращение Одиссея к не сразу узнавшей его Пенелопе.

Почему же, однако, не намерен я ничего этого делать? Не по презрению к вам, о мужи афиняне, и не потому, что я бы не желал вас уважить. Боюсь ли я или не боюсь смерти, это мы теперь оставим, но для чести моей и вашей, для чести всего города, мне кажется, было бы нехорошо, если бы я стал делать что-нибудь такое в мои года и при том прозвище, которое мне дано, верно оно или неверно – все равно.

Прозвище – «мудрейший из людей», данное Пифией, о чем сам Сократ говорит выше.

Как-никак, а ведь принято все-таки думать, что Сократ отличается кое-чем от большинства людей; а если так будут вести себя те из вас, которые, по-видимому, отличаются или мудростью, или мужеством, или еще какою-нибудь доблестью, то это будет позорно. Мне не раз приходилось видеть, как люди, казалось бы, почтенные проделывали во время суда над ними удивительные вещи, как будто они думали, что им предстоит испытать что-то ужасное, если они умрут; можно было подумать, что они стали бы бессмертными, если бы вы их не убили! Мне кажется, эти люди позорят город, так что и какой-нибудь чужеземец может заподозрить, что у афинян люди, которые отличаются доблестью и которых они сами выбирают на главные

государственные и прочие почетные должности, ничем не отличаются от женщин. Так вот, о мужи афиняне, не только нам, людям как бы то ни было почтенным, не следует этого делать, но и вам не следует этого позволять, если мы станем это делать, – напротив, вам нужно делать вид, что вы гораздо скорее признаете виновным того, кто устраивает эти слезные представления и навлекает насмешки над городом, нежели того, кто ведет себя спокойно. Не говоря уже о чести, мне кажется, что это и неправильно, о мужи, – просить судью и избегать наказания просьбою, вместо того чтобы разьяснять дело и убеждать. Ведь судья посажен не для того, чтобы миловать по произволу, но для того, чтобы творить суд; и присягал он не в том, что будет миловать кого захочет, но в том, что будет судить по законам. А потому и нам не следует приучать вас нарушать присягу, и вам не следует к этому приучаться, а иначе мы можем с вами одинаково впасть в нечестие. Так уж вы мне не говорите, о мужи афиняне, будто я должен проделывать перед вами то, чего я и так не считаю ни хорошим, ни правильным, ни согласным с волею богов, да еще проделывать это теперь, когда вот он, Мелет, обвиняет меня в нечестии. Ибо очевидно, что если бы я вас уговаривал и вынуждал бы своею просьбою нарушить присягу, то научал бы вас думать, что богов не существует, и, вместо того чтобы защищаться, попросту сам бы обвинял себя в том, что не почитаю богов. Но на деле оно совсем иначе; почитаю я их, о мужи афиняне, больше, чем кто-либо из моих обвинителей, и предоставляю вам и Богу рассудить меня так, как будет всего лучше и для меня, и для вас.

После обвинительного приговора

Многое, о мужи афиняне, не позволяет мне возмущаться тем, что сейчас случилось, тем, что вы меня осудили, между прочим и то, что это не было для меня неожиданностью. Гораздо более удивляет меня число голосов на той и на другой стороне. Что меня касается, то ведь я и не думал, что буду осужден столь малым числом голосов, я думал, что буду осужден большим числом голосов. Теперь же, как мне кажется, перепади тридцать один камешек с одной стороны на другую, и я был бы оправдан. Ну а от Мелета, по-моему, я и теперь ушел; да не только ушел, а еще вот что очевидно для всякого: если бы Анит и Ликон не пришли сюда, чтобы обвинять меня, то он был бы принужден уплатить тысячу драхм как не получивший пятой части голосов.

Малым числом голосов – если исходить из того, что голосовали все 500 членов Совета, то распределение голосов должно быть 280 за казнь и 220 против казни, не хватило 31 голоса до 50 % + 1 голос, что означало бы оправдательный приговор.

Тысяча драхм – штраф за проваленный иск, главная цель которого – не позволить такому обвинителю когда-либо выступать истцом. Заработок неквалифицированного рабочего (например, строителя) за 2–3 года.

Ну а наказанием для меня этот муж полагает смерть. Хорошо. Какое же наказание, о мужи афиняне, должен я положить себе сам? Не ясно ли, что заслуженное? Так какое же? Чему по справедливости подвергнуться или сколько должен я уплатить за то, что ни с того ни с сего всю свою жизнь не давал себе покоя, за то, что не старался ни о чем таком, о чем старается большинство: ни о наживе денег, ни о домашнем устройстве, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о том, чтобы руководить народом; вообще не участвовал ни в управлении, ни в заговорах, ни в восстаниях, какие бывают в нашем городе, считая себя, право же, слишком порядочным человеком, чтобы оставаться целым, участвуя во всем этом; за то, что я не шел туда, где я не мог принести никакой пользы ни вам, ни себе, а шел туда, где мог частным образом всякому оказать величайшее, повторяю, благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас не заботиться ни о чем своим раньше, чем о себе самом, – как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее, не заботиться также и о том, что принадлежит городу, раньше, чем о самом городе, и обо всем прочем таким же образом. Итак, чего же я заслуживаю, будучи таковым? Чего-нибудь хорошего, о мужи афиняне, если уже в самом деле воздавать по заслугам, и притом такого хорошего, что бы для меня подходило. Что же подходит для человека заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания? Для подобного человека, о мужи афиняне, нет ничего более подходящего, как получать даровой обед в Пританее, по крайней мере для него это подходит гораздо больше, нежели для того из вас, кто одержал победу в Олимпии верхом, или на паре, или на тройке, потому что такой человек старается о том, чтобы вы казались счастливыми, а я стараюсь о том, чтобы вы были счастливыми, и он не нуждается в даровом пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное, то вот я что себе назначаю – даровой обед в Пританее.

Даровой обед в Пританее – привилегия, означавшая принятие в число не просто политической элиты, но полубогов, какими были победители Олимпийских игр. По сути, это означало допуск к закрытым застольям и значит, влияние на политические события. По нашим понятиям, Сократ попросил себе пост «министра без портфеля».

Может быть, вам кажется, что я и это говорю по высокомерию, как говорил о просьбах со слезами и с коленопреклонениями; но это не так, афиняне, а скорее дело вот в чем: сам-то я убежден в том, что ни одного человека не обижаю сознательно, но убедить в этом вас я

не могу, потому что мало времени беседовали мы друг с другом; в самом деле, мне думается, что вы бы убедились, если бы у вас, как у других людей, существовал закон решать дело о смертной казни в течение не одного дня, а нескольких; а теперь не так-то это легко – в малое время снимать с себя великие клеветы.

Обижаю сознательно – совершаю несправедливость при условиях, когда можно было бы ее не совершать. Обида или несправедливость (греч. «адикия») – важное правовое и этическое понятие античности, означавшее нарушение оговоренных правовых отношений, нарушение договоренностей, разрыв контракта, который может быть предпринят любой стороной, но будет непременно несправедливостью по отношению к другой стороне. «Несправедливый» означало тогда, прежде всего, беспечный, недобросовестный, срывающий договоренности, что почти не имеет отношения к привычной нам распределительной справедливости: несправедливо прогуливать, халтурить или срывать сроки. Мы иногда называем нелюдимого, асоциального человека «обиженным», ведет себя так, будто на всех обижен. Обиде противопоставлено «право» («дике»), соблюдение всех договоренностей под угрозой наказания за их несоблюдение.

Другие люди – спартанцы. В Спарте смертный приговор не мог быть вынесен раньше завершения прений, которые могли длиться сколь угодно долго. Хотя Спарта была милитаристским государством, Платон и Ксенофонт часто ставили Спарту выше Афин, указывая на продуманные процедуры принятия решений и большую роль воспитания в государственной политике Спарты.

Ну так вот, убежденный в том, что я не обижаю ни одного человека, ни в каком случае не стану я обижать самого себя, говорить о себе самом, что я достоин чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание. С какой стати? Из страха подвергнуться тому, чего требует для меня Мелет и о чем, повторяю еще раз, я не знаю, хорошо это или дурно? Так вот вместо этого я выберу и назначу себе наказанием что-нибудь такое, о чем я знаю наверное, что это – зло? Вечное заточение? Но ради чего стал бы я жить в тюрьме рабом Одиннадцати, постоянно меняющейся власти? Денежную пеню и быть в заключении, пока не уплачу? Но для меня это то же, что вечное заточение, потому что мне не из чего уплатить.

Одиннадцать – выборная должность 11 начальников над тюрьмами, по сути, долговых инспекторов, судебных приставов, полицейских и управляющих тюремным хозяйством одновременно.

В таком случае не должен ли я назначить для себя изгнание? К этому вы меня, пожалуй, охотно присудите. Сильно бы, однако, должен был я трусить, если бы растерялся настолько, что не мог бы сообразить вот чего: вы, собственные мои сограждане, не были в состоянии вынести мое присутствие, и слова мои оказались для вас слишком тяжелыми и невыносимыми, так что вы ищите теперь, как бы от них отделаться; ну а другие легко их вынесут? Никоим образом, афиняне. Хороша же в таком случае была бы моя жизнь – уйти на старости лет из отечества и жить, переходя из города в город, будучи отовсюду изгоняемым. Я ведь отлично знаю, что, куда бы я ни пришел, молодые люди везде будут меня слушать так же, как и здесь; и если я буду их отгонять, то они сами меня выгонят, подговорив старших, а если я не буду их отгонять, то их отцы и домашние выгонят меня из-за них же.

В таком случае кто-нибудь может сказать: «Но разве, Сократ, уйдя от нас, ты не был бы способен проживать спокойно и в молчании?» Вот в этом-то и всего труднее убедить некоторых из вас.

Спокойно – Сократ обыгрывает два значения этого слова: «не произнося речей» и «не чувствуя угрызений совести», тем самым исподволь проводит мысль о совести для неподготовленной публики. В Древней Греции была очень развита культура стыда, но понятие о совести только начало формироваться с появлением «демона» Сократа.

В самом деле, если я скажу, что это значит не слушаться Бога, а что, не слушаясь Бога, нельзя оставаться спокойным, то вы не поверите мне и подумаете, что я шучу; с другой стороны, если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытаю и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека, – если это я вам скажу, то вы поверите мне еще меньше. На деле-то оно как раз так, о мужи, как я это утверждаю, но убедить в этом нелегко. Да к тому же я и не привык считать себя достойным чего-нибудь дурного. Будь у меня деньги, тогда бы я назначил уплатить деньги сколько полагается, в этом для меня не было бы никакого вреда, но ведь их же нет, разве если вы мне назначите уплатить столько, сколько я могу. Пожалуй, я вам могу уплатить мину серебра; ну столько и назначаю. А вот они, о мужи афиняне, – Платон, Критон, Критобул, Аполлодор – велят мне назначить тридцать мин, а поручительство берут на себя; ну так назначаю тридцать, а поручители в уплате денег будут у вас надежные.

Мина – 100 драхм, около фунта серебра, примерно трехмесячный заработок рабочего.

После смертного приговора

Немного не захотели вы подождать, о мужи афиняне, а вот от этого пойдет о вас дурная слава между людьми, желающими хулить наш город, и они будут обвинять вас в том, что вы убили Сократа, известного мудреца. Конечно, кто пожелает вас хулить, тот будет утверждать, что я мудрец, пусть это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собою; подумайте о моих годах, как много уже прожито жизни и как близко смерть. Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А еще вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы уйти от наказания. Вовсе не так. Не хватить-то у меня, правда что не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное – все то, что вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начавши умолять преследующих; много есть и других способов избегать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все. От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее – уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть.

Бросив оружие – хотя такой поступок не мог не считаться дезертирством, но нравственно и юридически не осуждался в случае явной смертельной опасности, и добиться оправдания за бегство с поля боя было нетрудно. Далее Сократ замечает, что для оправдания себя от обвинения в дезертирстве надо «все дерзать и говорить», то есть приводить любые аргументы в свою пользу, потому что проверить их до конца все равно не удастся. Таким дезертирством гордился поэт Архилох (ок. 680 – ок. 640 до н. э.), тем самым подчеркивавший, что фантазия поэта и его яркие речи сильнее любых юридических обвинений: признание Архилоха в том, что он бросил оружие, можно считать первым скандальным или провокационным жестом поэта для привлечения внимания публики.

Нравственная порча – порочность (греч. «понерия»), в более узком смысле – склонность к вранью.

И вот я, человек тихий и старый, настигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные, – тем, что идет проворнее, – нравственную порчей. И вот я, осужденный вами, ухожу на смерть, а они, осужденные истиною, уходят на зло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они – при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно.

А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого. Ведь для меня уже настало то время, когда люди особенно бывают способны пророчествовать, – когда им предстоит умереть.

Пророчествовать – представление о том, что человек на пороге смерти способен видеть будущее, существует во многих культурах. Сократ обращается

к тому знанию, которое подспудно есть в его слушателях, превращая глубинные социальные и религиозные представления в голос совести.

И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное: больше будет у вас обличителей – тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказавши это вам, которые меня осудили, я ухожу от вас.

А с теми, которые меня оправдали, я бы охотно побеседовал о самом этом происшествии, пока архонты заняты своим делом и мне нельзя еще идти туда, где я должен умереть.

Архонты – любые начальники, здесь – Одиннадцать, начальники тюрьмы.

Побудьте пока со мною, о мужи! Ничто не мешает нам поболтать друг с другом, пока есть время. Вам, друзьям моим, я хочу показать, что, собственно, означает теперешнее происшествие. Со мною, о мужи судьи, – вас-то я по справедливости могу называть судьями – случилось что-то удивительное. В самом деле, в течение всего прошлого времени обычный для меня вещий голос слышался мне постоянно и останавливал меня в самых неважных случаях, когда я намеревался сделать что-нибудь не так; а вот теперь, как вы сами видите, со мною случилось то, что может показаться величайшим из зол, по крайней мере так принято думать; тем не менее божественное знамение не остановило меня ни утром, когда я выходил из дому, ни в то время, когда я входил в суд, ни во время всей речи, что бы я ни хотел сказать. Ведь прежде-то, когда я что-нибудь говорил, оно нередко останавливало меня среди слова, а теперь во всем этом деле ни разу оно не удержало меня от какого-нибудь поступка, от какого-нибудь слова. Как же мне это понимать? А вот я вам скажу: похоже, в самом деле, что все это произошло к моему благу, и быть этого не может, чтобы мы правильно понимали дело, полагая, что смерть есть зло.

Произошло – в оригинале «сошлось», «совпало», потом Аристотель станет употреблять это слово для признаков вещи, которые не определяют ее природу, но сопровождают ее: например, цвет глаз не входит в определение человека, но нет человека без цвета глаз. Далее в переводе несколько громоздко сказано, что в оригинале: «и мы уже не будем предполагать правильной нашу мысль, что смерть – зло», то есть речь идет о статусе полагания, интеллектуального предположения, которое опровергается совокупностью данных.

Этому у меня теперь есть великое доказательство, потому что быть этого не может, чтобы не остановило меня обычное знамение, если бы то, что я намерен был сделать, не было благом.

А рассудим-ка еще вот как – велика ли надежда, что смерть есть благо? Умереть, говоря по правде, значит одно из двух: или перестать быть чем бы то ни было, так что умерший не испытывает никакого ощущения от чего бы то ни было, или же это есть для души какой-то переход, переселение ее отсюда в другое место, если верить тому, что об этом говорят. И если бы это было отсутствием всякого ощущения, все равно что сон, когда спят так, что даже ничего не видят во сне, то смерть была бы удивительным приобретением. Мне думается, в самом деле, что если бы кто-нибудь должен был взять ту ночь, в которую он спал так, что даже не видел сна, сравнить эту ночь с остальными ночами и днями своей жизни и, подумавши, сказать, сколько

дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь, то, я думаю, не только всякий простой человек, но и сам великий царь нашел бы, что сосчитать такие дни и ночи сравнительно с остальными ничего не стоит. Так если смерть такова, я со своей стороны назову ее приобретением, потому что таким-то образом выходит, что вся жизнь ничем не лучше одной ночи. С другой стороны, если смерть есть как бы переселение отсюда в другое место и если правду говорят, будто бы там все умершие, то есть ли что-нибудь лучше этого, о мужи судьи? В самом деле, если прибудешь в Аид, освободившись вот от этих так называемых судей, и найдешь там судей настоящих, тех, что, говорят, судят в Аиде, – Миноса, Радаманта, Эака, Триптолема, и всех тех полубогов, которые в своей жизни отличались справедливостью, – разве это будет плохое переселение? А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером!

Минос – мифологический критский царь, считался основателем критских мистерий и потому судьей в загробном мире.

Радамант – мифологический царь, к которому возводили мистерии Орфея, судья в загробном мире.

Эак – мифологический царь, основатель орфических таинств на острове Эгина, судья в загробном мире.

Триптолем – мифологический царь, основатель Элевзинских мистерий, важнейших для граждан Афин; обычно к числу загробных судей не относился, но Сократ его переносит в загробье, тем самым очередной раз намекая афинянам на их смертность и несправедливость.

Мусей – мифологический поэт, наравне с Орфеем, почитался больше всего в Афинах как создатель порядка Элевзинских мистерий.

Что меня касается, то я желаю умирать много раз, если все это правда; для кого другого, а для меня было бы удивительно вести там беседы, если бы я встретился, например, с Паламедом и Теламоновым сыном Аяксом или еще с кем-нибудь из древних, кто умер жертвою несправедливого суда, и мне думается, что сравнивать мою судьбу с их было бы не неприятно. И наконец, самое главное – это проводить время в том, чтобы распознавать и разбирать тамошних людей точно так же, как здешних, а именно кто из них мудр и кто из них только думает, что мудр, а на самом деле не мудр; чего не дал бы всякий, о мужи судьи, чтобы узнать доподлинно человека, который привел великую рать под Трою, или узнать Одиссея, Сисифа и множество других мужей и жен, которых распознавать, с которыми беседовать и жить вместе было бы несказанным блаженством. Не может быть никакого сомнения, что уж там-то за это не убивают, потому что помимо всего прочего тамошние люди блаженнее здешних еще и тем, что остаются все время бессмертными, если верно то, что об этом говорят.

Сисиф (*Сизиф*) – мифологический царь Коринфа, пытавшийся обмануть смерть и за это приговоренный к вкатыванию на гору тяжелого камня. Возможно, Сократ, относя Сисифа не к несчастным, а к счастливым в общении обитателям загробья, делает политический намек: Сисиф был наказан Зевсом за то, что выдал похищение Зевсом Эгины ее отцу, а одноименный остров Эгина был болезненной темой для афинян; стратегически важный, он был превращен в колонию Афинской империи, так что все местное население было депортировано, но за пять лет до казни Сократа Афины Эгину потеряли. Тем самым Сократ намекает на то, что на афинян будут обрушиваться и новые бедствия, и что он как никто знает об этом, как будущий собеседник Сисифа.

Но и вам, о мужи судьи, не следует ожидать ничего дурного от смерти, и уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах; тоже вот и моя судьба

устроилась не сама собою, напротив, для меня очевидно, что мне лучше уж умереть и освободиться от хлопот. Вот почему и знамение ни разу меня не удержало, и я сам не очень-то пеняю на тех, кто приговорил меня к наказанию, и на моих обвинителей. Положим, что они выносили приговор и обвиняли меня не по такому соображению, а думая мне повредить; это в них заслуживает порицания. А все-таки я обращаюсь к ним с такою маленькою просьбой: если, о мужи, вам будет казаться, что мои сыновья, сделавшись взрослыми, больше заботятся о деньгах или еще о чем-нибудь, чем о доблести, отомстите им за это, преследуя их тем же самым, чем и я вас преследовал; и если они будут много о себе думать, будучи ничем, укоряйте их так же, как и я вас укорял, за то, что они не заботятся о должном и воображают о себе неведь что, между тем как на самом деле ничтожны. И, делая это, вы накажете по справедливости не только моих сыновей, но и меня самого. Но вот уже время идти отсюда, мне – чтобы умереть, вам – чтобы жить, а кто из нас идет на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме Бога.

Должное – это слово (букв. «что нужно», «нужда») означает не отвлеченные обязанности, а то, в чем человек действительно нуждается, а нуждается он не только в материальном преуспевании.

Ксенофонт

Пир

Перевод С.И. Соболевского

Пир – жанр античной литературы, позволявший в свободной форме обсуждать частные вопросы и фривольные вопросы, например об отношениях с женщинами. По сути, это рассказ о мужской компании, рассказывающей анекдоты и вольно шутящей, о «мальчишнике». Но античные пиры были приурочены к победам на состязаниях; пир давал победитель, чтобы все друзья могли его поздравить. Именно этот смысл мы находим в двух самых знаменитых «Пирах» – Ксенофонта и Платона. В обоих главное действующее лицо – Сократ, и в обоих главной темой становится любовь, по-гречески Эрот или Эрос, бог-мужчина, имеющий власть над людьми и иногда над богами. Главный вопрос обоих «Пиров» – как именно Эрот становится богом-созидателем, а значит, как превратить этот фривольный пир в лабораторию созидательных мыслей. Ответом оказывается понятие красоты – красота привлекательна, как и любовь, а значит, передавая свой блеск людям, она передает людям и тягу к созиданию, чтобы они окружили себя прекрасными вещами и мыслями.

В «Пире» Ксенофонта мы слышим живой голос Сократа, его насмешливость, иногда даже пренебрегающую меру. Его главный собеседник здесь – его ученик Антисфен, самый большой провокатор за всю историю античной философии. В этом некоторое преимущество Ксенофонта перед Платоном, где все выступают в основном с большими рассуждениями об Эроте, но не шутят и не бесчинствуют на каждом слове. Поэтому разговоры в «Пире» балансируют на грани ругани и приличия, при этом оставаясь серьезными. Среди анекдотов и атак друг на друга собеседникам удастся решить важнейшие философские вопросы. В чем различие между дружбой и симпатией? А между любовью и увлечением? Какие знания полезнее всего и почему? Как могут найти взаимопонимание люди разных поколений? Что такое добродетель и чем она отличается от простой благонамеренности? Всякий ли хороший и правильный поступок уже добродетелен? Кто объяснит человеку, истинный ли у него образ жизни? Это только часть вопросов, на которые ловкий Сократ дал в этой небольшой книжке ответ.

Глава 1

Как мне кажется, заслуживает упоминания всё, что делают люди высокой нравственности – не только при занятиях серьезных, но и во время забав. Я хочу рассказать тот случай, при котором я присутствовал и который привел меня к такому убеждению.

Высокой нравственности – буквально «какие надо», «прекрасные и добрые», обозначение людей, принадлежащих к тому, что мы называем хорошим обществом.

Были конские бега во время Великих Панафинеи. Каллий, сын Гиппоника, был влюблен в Автолика, тогда еще бывшего ребенком; Автолик одержал победу в панкратии, и Каллий пришел с ним на это зрелище. По окончании бегов Каллий с Автоликом и отцом его пошел в свой дом в Пирее; с ним шел и Никерат.

Великие Панафины – ежегодный праздник в честь Афины, по-нашему, «день города», раз в четыре года по повелению Писистрата отмечался с особым блеском.

Ребенком – имеется в виду не малолетство, а выступление на спортивных состязаниях среди новичков, юниоров, по юношескому разряду.

Панкратий – кулачный бой, прообраз нынешних боев без правил.

Пирей – афинский порт, во времена действия «Пира», в 422 году до н. э., город и порт были соединены Длинными Стенами, защищавшими поставки в город на случай осады, которые были в 404 году до н. э. снесены спартанскими оккупантами и не сразу восстановлены.

Увидав Сократа вместе с Критобулом, Гермогеном, Антисфеном и Хармидом, он велел кому-то проводить Автолика с окружавшими его лицами, а сам подошел к Сократу и его компании и сказал:

– Как хорошо, что я встретил вас. Я собираюсь угощать Автолика с отцом его. Этот праздник мой, думаю, покажется гораздо более блестящим, если зал будет украшен такими очистившими свою душу людьми, как вы, чем стратегами, гиппархами и разными искателями должностей.

Стратеги – полные генералы (в Афинах того времени их было 10), *гиппархи* – генералы от кавалерии. Искатели должностей (греч. «спудархи») – кандидаты на занятие высоких должностей, считавшие необходимым вращаться в свете. Здесь противопоставляется пир «очистивших душу», то есть проходивших через спортивные состязания, просмотр трагедий с их «катарсисом» и другие ритуалы очищения на Панафинеях, и одновременно чистых помыслами философов, пиру, необходимому только для карьерных знакомств.

На это Сократ отвечал:

– Все ты насмехаешься и нас презираешь, оттого что ты много денег передавал и Протагору, чтобы научиться у него мудрости, и Горгию, и Продику, и многим другим; а на нас ты смотришь, как на самоучек в философии.

Самоучка (греч. «автург») – не столько человек, учившийся самостоятельно, по книгам или из вторых рук, сколько дилетант, не систематически изучавший философию, ходивший к философам по настроению, часто пропускавший занятия.

– Да, – ответил Каллий, – я прежде скрывал от вас, что могу говорить много умных вещей, а теперь, если вы у меня будете, я покажу вам, что заслуживаю полного внимания.

Сначала Сократ и его друзья, разумеется, стали было отказываться от приглашения, благодарили, но не давали слова обедать у него; но, так как было видно, что он очень сердится и обидится, если они не пойдут с ним, они пошли. Потом они явились к нему: одни перед этим занимались гимнастикой и умастились маслом, а другие даже и приняли омовение. Автолик сел рядом с отцом; остальные, как полагается, легли.

Отказываться от приглашения – правило хорошего тона, запрещающее сразу принимать приглашение, чтобы не оскорбить богов, существовало и тогда. Ведь если поспешно прийти, не поблагодарив сначала богов дома, то они могут обидеться на невнимание.

Умастились маслом – смазывать себя оливковым маслом было необходимо для борьбы, чтобы не получить серьезных повреждений при ударе; возможно, здесь оставалась еще память о блеске масла как «харите», благоволении богов, украшающем человека. Гости, успевшие принять ванну, серьезно подготовились к пиру – ванна принималась долго, и они уже не могли изменить намерения идти на пир.

Всякий, кто обратил бы внимание на то, что происходило, сейчас же пришел бы к убеждению, что красота по самой природе своей есть нечто царственное, особенно если у кого она соединена со стыдливостью и скромностью, как в данном случае у Автолика.

Царственное – означает не столько «величественное и неприступное», сколько «покоряющее себе». Стыдливость и скромность покоряют себе, потому что им невозможно противостоять, они неотразимы, а наглость сразу вызывает сопротивление, значит, ей противостоять возможно.

Сходное противопоставление Эроса и всех остальных богов мы находим и в «Пире» Платона, в речи Агафона, говорящего, что если остальные боги враждуют друг с другом, то Эрот несет только любовь и дружбу. Под другими богами имеется в виду прежде всего Дионис – вспоминаются экстатические вакхические культы.

Во-первых, как светящийся предмет, показавшийся ночью, притягивает к себе взоры всех, так и тут красота Автолика влекла к нему очи всех; затем, все смотревшие испытывали в душе какое-нибудь чувство от него: одни становились молчаливее, а другие выражали чувство даже какими-нибудь жестами. На всех, одержимых каким-либо богом, интересно смотреть; но у одержимых другими богами вид становится грозным, голос – страшным, движения – бурными; а у людей, вдохновляемых целомудренным Эротом, взгляд бывает ласковее, голос – мягче, жесты – более достойными свободного человека. Таков был и Каллий тогда под влиянием Эроса, и людям, посвященным в таинства этого бога, интересно было смотреть на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.